

В. И. ЗАСУЛИЧ

Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей

<отрывок>

II

«Общественный договор» отличается от других произведений Руссо тем, что в нем ясные, конкретные, глубоко продуманные мысли во многих главах заслонены, загорожены чисто абстрактными определениями государства, народа, правительства и отношений всего этого между собою и с территорией страны, тоже абстрактно выраженных математическими уравнениями и проч. Это в то же время самое нецельное, незаконченное из произведений Руссо*.

В «*Contrat social*» наиболее существенной и в то же время оригинальной мыслью Руссо, вытекающей из всего его мирозерцания и резко расходящейся с мирозерцанием его современников, является выяснение разницы между законом как

* Эти особенности «*Con<trat soc<ial*» объясняются, по-видимому, тем способом, каким он был написан. Все другие произведения Руссо писались сразу, под вдохновением. Трактат же об «*Institutions sociales*»¹, отрывок из которого был обнародован впоследствии под заглавием «*Contrat social*», был задуман, по словам Руссо, еще в Венеции, раньше чем выработался его самостоятельный и цельный образ мыслей. Этому произведению он никогда не отдавался вполне, работал над ним лишь урывками — «*en bonne fortune*», как говорит в «Исповеди», — пока не увидел, наконец, что оно ему не под силу, и не сжег написанного, выделив из него лишь отрывок, которым особенно дорожил.

выражением общей воли всех лиц, на которых распространяется его действие, и носящими имя закона повелениями, получаемыми сверху, а также выяснение тех условий, при которых народ может иметь законы, и тех в особенности, при которых он не может иметь их.

О том, что законы должны соответствовать общей воле, можно прочесть не у одного Руссо, но с тем простым смыслом, который он вкладывал в слова «общая воля», не был согласен никто из его современников. Гольбах тоже говорил: «C'est par les lois que le souverain exprime la volonté générale»*, мерилом же того, выражают ли действительно законы общую волю, должна служить, по его мнению, их разумность, а следовательно, полезность, так как все разумное полезно, а народ не может не желать своей пользы. С этим, в той или иной форме, были согласны все передовые писатели XVIII века, как бы сильно ни расходились они в представлении о том, в чем именно должна заключаться та польза, которой не может не желать народ. Но еще единодушнее были они в том, что никоим образом не дело простого народа решать вопрос о соответствии или несоответствии закона его пользе и воле. Это право и обязанность просвещенных людей.

Всего больше заботившийся о пользе народа и даже о «равенстве» Мабли был в то же время и самым горячим противником вмешательства народа в вопросы о своей пользе и воле². Выражение «volonté générale» употреблялось большинством писателей в иносказательном смысле, как это часто случалось (бессознательно даже) и со словами «nation», «peuple»**.

Руссо брал выражение «общая воля» в его точном буквальном смысле воли *всех* (или большинства) взрослых граждан данной страны, выраженной на их общем законодательном собрании и всех их одинаково связывающей. Такое определение закона стояло, конечно, в полнейшем противоречии с открытым разумом естественными законами, могущими осчастливить все народы. Согласно определению закона как выражения общей воли граждан всякое постановление, хотя бы самое разумное и полезное, предписывающее что бы то ни было населению, не участвовавшему в его обсуждении и голосовании, будет не законом, а лишь приказом, декретом. С другой

* La politique naturelle. Ч. I. С. 91 (государь выражает общую волю посредством законов).

** «Всеобщая воля», «нация», «народ».

стороны, хотя и невероятно, чтобы весь народ постановил на общем собрании нечто, противоречащее интересам большинства этого народа, но, если бы это случилось, такое решение все же было бы обязательным для всех законом, пока не было бы отменено. Для коллективной воли народа не может быть также никаких неприкосновенных, стоящих выше ее законов. Народ хорошо делает, конечно, если, постановив хорошие законы, их не меняет, но «во всяком случае, народ всегда может изменить свои законы, хотя бы и самые лучшие; так как, раз он желает сделать зло самому себе, кто же вправе помешать ему?»*

Для того чтобы общая воля стала законом, нет необходимости в единогласии, но необходимо, чтобы все граждане имели возможность подать свои голоса. Для меньшинства, участвовавшего в обсуждении и голосовании закона, хотя и подавшего голос против него, подчинение безусловно обязательно, оно входит в самое основное условие общественного договора, по которому человек отдает свою личную волю под общее руководство и обязывается выполнять ее лишь постольку, поскольку она не противоречит общей воле.

В одной и той же стране, если ее законы обсуждаются и вотируются частью населения, они будут законами для этой части и приказами для остальной. Законы Польши, например, с точки зрения Руссо, были законами для ее дворянства и простыми актами насилия для крестьян и горожан. Законы Женевы, по конституции которой законодательная власть принадлежала всем гражданам, были законами для этих граждан, но не для многочисленных уроженцев города (*les natifs* — потомки иностранцев) и жителей окрестных деревень, не пользовавшихся правами граждан, но считавшихся подданными республики.

Народ не может ни передать, ни поручить своей верховной власти, выражающейся в законодательстве. Воля не передается. Народ не может сказать: «Я буду хотеть того, чего пожелает такой-то человек»...

Это значило бы просто обещать повиноваться — но тем самым народ теряет свое достоинство самодержавного народа, и политическое тело оказывается разрушенным**.

Таким образом, законными государствами, действительными политическими телами были, по определению Руссо, лишь

* *Contrat social*. Кн. II. Гл. XII.

** *Ibid.* Кн. II. Гл. 1.

те государства, где законодательная власть принадлежала всему народу, все же остальные (т. е. все или почти все государства Европы), нарушив условия общественного договора, вернулись к своему исходному пункту, простому господству силы, для обуздания которой были когда-то основаны.

Зачислив все эти государства в деспотии, Руссо оставляет их в стороне, чтобы заняться законными, свободными государствами, которые делит на демократии, аристократии и монархии, смотря по организации их правительственной, т. е. исполнительной, власти (строго различаемой им от верховной, законодательной), являющейся в законных государствах лишь подчиненным агентом самодержавного народа. <...

III

Мы знаем теперь, что «демократия», требовавшая, по мнению Руссо, стольких трудно соединимых условий и такой высокой степени добродетели, всюду, поскольку хватает исследования, — предшествовала образованию классового государства, «осудившего род человеческий на труд, рабство и нищету в пользу честолюбцев», и была в духе, в смысле самого Руссо, несравненно совершеннее, чем он осмеливался когда-нибудь представить себе самую лучшую из демократий.

Припомните, в самом деле, ту часть знаменитой книги Моргана, где говорится об общественной организации ирокезов. Если бы не знать заранее, что это результаты долголетних исследований Моргана, можно бы подумать (в особенности при чтении краткого резюме Энгельса*³), что читаешь преувеличенную, вдавшуюся в крайность, иллюстрацию ко взглядам Руссо на условия, необходимые для существования демократии. «Нужно большое равенство по положению и имуществу» — у краснокожих оно так абсолютно, как не мог вообразить себе Руссо, близко знакомый лишь с миром частной собственности. Нужна простота нравов, единство интересов и взглядов — у краснокожих все решения всегда принимаются единогласно. Нужно, чтобы частные интересы подчинялись общим, чтобы гражданин, отрешившись от своего я, чувствовал себя лишь частью целого. У ирокезов, в

* er Ursprung der Familie и проч. Гл. III и начало IX.

сущности, нет частных интересов, от которых им нужно было бы отрешиться. У них, по выражению Энгельса, «нет еще никакого различия между правами и обязанностями». Участие в общественных делах является для них таким же правом или все равно — обязанностью, как есть, пить и ходить на охоту. Для прочности строя нужна, наконец, твердость нравов и обычаев. Нравы и обычаи краснокожих Северной Америки были почти так же тверды, как нравы пчел или бобров. Целые столетия прожили они бок о бок с самым прогрессивным, самым хищным из цивилизованных народов, и, теснимые со всех сторон, они постепенно вымирали, как бобры, не подчиняясь слишком чуждым им обычаям, не превращаясь в «меньших трудящихся братьев» своих просвещенных соседей. Добычливым янки не удалось выжать из них ни капли прибавочной стоимости.

Не имея понятия о родовом строе, из которого развился политический, Руссо не мог предположить, что все эти античные свободы, античный патриотизм и участие всех граждан в общественных делах были лишь переживаниями исконного, более тесного союза, основанного на кровном родстве его членов, в политическом государстве, основанном на обладании известной территорией, на собственности, на владении рабами, которые сперва были лишь иноплеменниками.

Все теоретические затруднения Руссо вытекали именно из того представления, что нравственное единство граждан, необходимое для существования законного государства, могло возникнуть лишь вместе с возникновением этого государства. Ему приходилось понять, каким образом вновь возникающий общественный строй превращал индивидуалистов в граждан, переносил их абсолютное *я* в общественное целое, тогда как в действительности известный ему героический период античных республик был, наоборот, началом постепенного развития абсолютного *я* частных собственников, началом выработки индивидуализма, приостановленной завоеванием Рима варварами, в которых было еще сильно «мы» родовой организации, но затем снова двинувшейся вперед, сперва медленно, затем все скорее и скорее, в особенности с эпохи Возрождения. Во времена Руссо индивидуализм приближался к своему апогею, наконец достигнутому в ничем не связанном и ненасытном буржуазном *я*, царящем в верхних ярусах капиталистического строя, в то время как на дне этого строя быстро вырабатывается новое великое *мы*, уже не ограничивающееся маленьким

племенем, помнящим свое кровное родство, а стремящееся охватить всю ту часть цивилизованного человечества, которая была «осуждена на неравный труд... в пользу горсти честолюбцев».

Для Руссо, принимавшего момент образования государства за первый момент образования общественного союза, появление необходимой для него солидарности, «общей воли» было еще объяснимо у таких отсталых племен, где государство возникло не вследствие местной борьбы между имущими и неимущими, а лишь из необходимости оградить себя от ранее перешедших к государственной жизни соседей. У такого отсталого народа интересы всех еще одинаковы, общая польза никому не вредна; чтобы видеть, в чем она заключается, совершенно достаточно простого здравого смысла.

Но Руссо отлично видел, что законы античных республик писаны вовсе не для такого однородного населения. Он знал, что в Риме в лучшие времена шла борьба между патрициями и плебеями. Не та борьба времен падения республик, где каждый вотирует, руководимый личными, тайными мотивами, не помышляя об общей пользе. «Там (в Риме) было, так сказать, два государства в одном», две цельных общих воли. Внутри народной партии борьбы не было, и «в самые бурные времена плебисциты народа, когда сенат не вмешивался, проходили всегда спокойно и огромным большинством голосов»*. Борьба между этими «двумя государствами» входила в самую конституцию Рима, была урегулирована его законами. Несколько борющихся между собою частей населения, имевших каждая свои отдельные интересы и свою общую волю, существовало также в Афинах, и Солон, подобно Нуме и Сервию, предусмотрел это в своих законах. Лишь благодаря этим мудрым законам народ мог сохранить за собой законодательную и даже многие функции исполнительной власти. Законы Спарты предполагают рабство, т. е. очень значительную степень развития; но посредством присвоения рабов не отдельным лицам, а всем спартамцам как целому они устраняли борьбу интересов между гражданами, а следовательно, и разделение их на партии.

Как мог Руссо со своей точки зрения объяснить себе эти законодательства, в особенности спартанское? Они не могли быть навязаны народу сверху, чужой силой, как илотам их

* Contrat social . Кн. IV. Гл. II.

положение. Ведь все эти законодательства гарантировали народу полную возможность не принять их, а принявши, тотчас же отменить. Они не могли быть также плодом простого здравого смысла самих граждан. Они слишком мудры, сложны для этого. Спартанские законы заранее предполагают в гражданских такую преданность общим интересам, какая могла быть лишь результатом уже начавшейся государственной жизни. Законы, противоречащие нравам и обычаям народа, не могут быть им приятны, но эти сложные, мудрые законодательства не могли и вытечь из самих нравов и обычаев. И те и другие могут вполне сложиться лишь при государственной жизни. Обычай, регулирующие отношения между семьями, могут сложиться лишь при многочисленных, тесных и мирных сношениях между ними, а, по предположению Руссо, до начала государственной жизни сношения между семьями остальных племен были очень не тесные, а у более развитых — не мирные.

Классическая литература отвечала Руссо, что все эти законы были написаны мудрыми законодателями. Он принимает это как факт, но остается пред таким фактом в полнейшем изумлении; складывает пред ним все свое умственное оружие. Вся глава о «законодателе»* наполнена доказательствами, что это какое-то совершенно необъяснимое, сверхъестественное существо. В самом деле, ведь его законы пишутся для граждан, которых в то время, когда они пишутся, еще нет, они должны соответствовать тем нравам и обычаям, которые создадутся у теперешних индивидуалистов под влиянием этих самых законов. Руссо никогда не допускал мысли (хотя все, зачисляющие его в представители *господствовавшего* в XVIII веке метода мышления и изобретатели «законов природы», ему ее навязывали), чтобы могло быть «совершенное законодательство», пригодное для всех народов, на всех ступенях их развития и при различных условиях почвы и климата**. Наоборот,

* <Contrat social . Кн. II. Гл. VII.

** Писать законы вовсе не так трудно, говорит Руссо в «Письме к Д'Аламберу», « u est le plus petit écolier de droit, qui ne dressera pas un code d'une morale aussi pure que celle de lois de Platon? Mais ce n'est pas de cela seul qu'il s'agit; c'est d'approprier tellement ce code au peuple pour lequel il est fait et aux choses sur lesquelles on y statue, que son exécution s'ensuive du seul concours de ces convenances... Si quelquefois les lois influent sur les mœurs, c'est quand elles en tirent leur force... Mais ne nous flattons pas de voir Sparte renaître au sein

по его убеждению, законы имеют силу, лишь когда строго соответствуют всем условиям, и внешним, и внутренним, данного народа. Законодатель должен, следовательно, некоторым образом предугадать свой народ. Но еще необъяснимее, еще чудеснее, по убеждению самого Руссо, принятие народом этого законодательства, налагающего на него, как в Спарте, тяжелые лишения, жертвующего его настоящими, единственными видными для него интересами — будущим. Чтобы будущая полезность этих суровых законов могла быть доказана народу посредством логических рассуждений, этого Руссо не допускал. «Таким образом, — говорит он, — не имея возможности употребить ни силы, ни рассуждений, законодатель должен был обратиться к авторитету иного порядка, который мог бы увлечь без насилия и убедить не доказывая», должен был «прибегнуть к вмешательству неба и наградить богов своей собственной мудростью».

Нечего и говорить, что эти законодатели, достигавшие своей цели лишь при помощи богов, не играли никакой роли во взглядах Руссо на современное ему человечество и его возможное будущее. К тому же давно исчезли, по мнению Руссо, и те боги, которые могли оказывать народам такие услуги. Языческие боги были национальными богами, вождями, законодателями, правителями своего народа и врагами всех остальных народов. Патриотизм язычников сливался с их религией, заботиться об интересах государства значило служить богам, исполнять их волю. Древние боги были сами горячими патриотами, да не могли и не быть: они защищали свое собственное независимое существование. Покоренный народ, теряя свое национальное правительство, терял и богов, которые могли еще пользоваться кое-каким почетом лишь

du commerce et de l'amour du gain» («Lettre à l'Alembert sur les spectacles»).

(Разве не сумеет самый скромный студент-юрист начертать моральный кодекс, столь же возвышенный, как и законы Платона! Но речь идет не об этом только, а о том, чтобы этот кодекс был так приспособлен к народу, для которого он предназначен, и к фактам, к которым относятся постановления, чтобы его применение происходило в силу простого стечения этих соотношений. Если иногда законы влияют на нравы, то это в тех случаях, когда они в них черпают силу. Но не будем льстить себя надеждой увидеть, как в недрах общества, преданного торговле и страсти к наживе, возрождается Спарта).

в том случае, если победитель давал им права гражданства в своем пантеоне. Так делали римляне и, распространив свое владычество на громадную часть известного тогда мира, они населили постепенно свой пантеон, ставший также пантеоном и покоренных народов, целой массой разнообразнейших божеств. Язычество потеряло, таким образом, свой строго национальный характер и вместе с тем утратило свое гражданское значение, перестав сливаться с любовью к отечеству и его учреждениям. На такой почве распространилось христианство и совершенно отделило религию от политики, перенесши отечество на небо. Чистое евангельское учение не может служить поддержкой свободным политическим учреждениям. Оно может создавать добрых людей, но не граждан — гражданскую добродетель оно, наоборот, убивает. Оно проповедует человеколюбие, но уничтожает силу патриотизма*.

IV

Очень распространено то мнение, будто в общественных взглядах Руссо экономические условия жизни народов не играли никакой роли, что как причин народных бедствий, так и лекарств от них он искал исключительно в политической области. Г. Кареев говорит об этом как о чем-то общепризнанном и не подлежащем сомнению. Что-то в этом

* Contr<at soc<ial . Кн. IV. Гл. VIII. Защищаясь в «Письмах с горы» от взведенного на него за эту главу обвинения в оскорблении христианства, Руссо говорит: «C'est merveille de voir l'assortiment de beaux sentiments, qu'on va nous entasser dans les livres. Il ne faut pour cela que des mots et les vertus en papier ne coutent guères; mais elles ne s'agencent pas tout à fait ainsi dans le cœ<ur de l'homme... Le patriotisme et l'humanité sont, par exemple, deux vertus incompatibles dans leur énergie, et surtout chez un peuple entier» (Письмо I, примеч. 9). (Удивительно, какое обилие прекрасных чувств нам подносится в книгах. Но для этого нужны лишь слова, и на бумаге добродетели ничего не стоят. Но не так они действуют в сердце людском! Патриотизм и человечность, напр<имер, две добродетели несовместимые, в особенности когда речь идет о целом народе.)

роде думает даже г. Южаков, хотя он и писал биографию Руссо*⁴.

Г. Кареев, по всему вероятно, ничего не думает о Руссо кроме того, что это был круглый идиот, излагая взгляды которого, нет ни малейшей надобности искать в них хоть какого-нибудь смысла⁵. Но ничего не думая, он пишет о нем следующее: «Экономические вопросы у него, *как известно* (курсив наш), сводились на задний план пред вопросами политическими. Если, по выражению Дэра⁶. Вольтер не видит в обществе других недостатков, кроме власти духовенства и существования религиозных верований, то Руссо, по словам того же писателя, в виде лекарства для страданий народных предлагает политическую свободу Афин и Рима. Мы даже видели, что он косвенно оправдывал рабство с точки зрения этой свободы. В самых нападках Руссо на собственность мы наблюдаем его особую, лично ему принадлежащую точку зрения: в собственности, полагает он, *le véritable fondement de la société civile***», а раз он, во имя естественного состояния, объявил войну гражданскому обществу, он не мог явиться апологетом учреждения, составляющего, как он сам признает, истинное основание общества. Но так как, с другой стороны, он приписывает собственности такое значение, то его учение разве только тем отличается от учения физиократов, что выводит собственность более из положительного, чем из естественного права». Таким образом, изображенный г. Кареевым нелепый болтун свел на задний план экономические вопросы пред политическими, но отнесся к собственности так же, как физиократы, сводившие пред нею и вообще пред экономическими вопросами все остальные на задний план. В то же время он лишил себя возможности явиться по примеру физиократов апологетом собственности, так как впопыхах объявил войну гражданскому обществу, которому собствен-

* Русск<ое бог<атство . № 2. 1895 г. «Из современной хроники». Расхваливая в этой статье безграничную широту взглядов «этико-социологической школы», г. Южаков говорит, что эта школа «не признает исключительного значения в общественной жизни ни за экономическим элементом... ни за умственным... ни за политическим, как Руссо и якобинцы, ни за нравственным, как Л. Толстой... ни даже за всеми элементами, вместе взятыми». Следовательно, Руссо признает за *политическим* элементом *исключительное* значение?

** Истинный фундамент человеческого общества.

ность служит, по его признанию, истинным основанием. Война с гражданским обществом ничуть не помешала ему, однако, предлагать политические учреждения Афин и Рима, т. е. определенных гражданских обществ, в виде лекарства для страданий народных и оправдывать затем рабство с точки зрения этого лекарства.

Приписать на одной странице такую массу вздора одному и тому же человеку — это уже роскошь, конечно, которую позволил себе здесь г. Кареев*. Каждую из собранных здесь нелепостей (кроме «оправдания» рабства, являющегося, по-видимому, оригинальным открытием) кто-нибудь да приписал Руссо раньше г. Кареева, но, насколько нам известно, никто не потрудился собрать их вместе. Вся коллекцию мы привели просто для образца изложения взглядов Руссо с «интеллигент-

* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции. С. 278, 279. Пойти дальше нет, по-видимому, никакой возможности. Но г. Кареев, упоминая имя Руссо также и в других местах своей книги, каждый раз награждает его какой-нибудь бессмыслицей. И несмотря на все это, он на с. 221 той же книги называет созданный им, таким образом, почти художественный тип бессмысленного болтуна «лучшим представителем» «господствовавшего в XVIII веке метода социологической метафизики», выведившей нравственные предписания и даже политические учреждения из естественного права, естественного закона и проч. Если таков был «лучший» представитель, каковы же были «худшие»? Однако, излагая взгляды этих «худших», действительно придерживавшихся упомянутого метода, г. Кареев, видимо, старается понять, что именно они хотят сказать, и воздерживается от приписывания им абсолютных бессмыслиц, приберегая их все для Руссо. Никаких причин злобно преследовать этого последнего у г. Кареева нет и быть не может. Все дело в том, что, как ни презрительно относится он к «социальной метафизике», во всех общественных вопросах он стоит на одной точке зрения с ее последователями и поэтому понимает их и не может понять диалектики Руссо. Почему во Франции плохо разрешен, по мнению г. Кареева, «крестьянский вопрос»? Потому что французское образованное «общество», недостаточно альтруистичное и введенное в заблуждение ложными принципами, не обращало на этот вопрос достаточного внимания и предоставило крестьян их судьбе. Почему у нас этот «вопрос» получает (по мнению г. Кареева и его единомышленников) гораздо лучшее разрешение? Потому что к его решению приложен лучший «принцип», и более альтруистичная интеллигенция им пристально занимается. То же, по существу, говорили и просветители XVIII века о причинах как прошлого неблагополучия человечества, так и предстоящего ему благополучия.

ной» точки зрения. Занимает нас в настоящий момент, главным образом, лишь утверждение, что Руссо не придавал, «как известно», значения экономической стороне жизни, сведя ее на задний план пред политической.

Чтобы определить, насколько Руссо «был силен в политической экономии», г. Кареев «невольнo обращается за ответом» к его статье в «Энциклопедии» под рубрикой «Политическая экономия» и соглашается «с отзывами лиц, которые находят ее весьма посредственного свойства»⁷. Нам кажется, что, как бы ни была статья посредственна, прежде всего г. Кареев должен бы убедиться, что в ней речь идет совсем не о том, что теперь носит название «политической экономии», а вообще из энциклопедии мог бы убедиться, что те вопросы, которые теперь входят в состав вышеупомянутой науки, трактуются там под иными различными рубриками. Исследование законов производства, обмена и распределения тогда еще только начиналось. И этого рода исследованием Руссо специально не занимался. Но, с одной стороны, в то время, когда капитализм был еще в зачаточном состоянии, когда натуральное хозяйство в деревнях, производство на заказчиков в городах еще боролось с начинавшим водворяться товарным производством, экономические вопросы были видны простому, невооруженному специальными знаниями глазу. С другой — мы отлично знаем, как часто самые подробные специальные знания по политической экономии мирно уживаются с полнейшим непониманием соотношения между экономической жизнью данного общества, его умственным и нравственным состоянием и его политическим строем. Руссо же, несмотря на то, что не написал никакого специального исследования ни по одному из вопросов политической экономии, понимал это соотношение едва ли не яснее всех своих современников, а также и гг. Кареева, Южакова и проч. Не заметить, что для Руссо основным фактором в развитии человечества является производство — развитие «способов удовлетворения потребностей», — можно, только читая его произведения — «Рассуждение о неравенстве», в особенности — с единственной целью искать в них рецептов или «красот», по совету Лагарпа⁸.

Тем не менее распространенность того мнения, будто Руссо все сводил к политическим вопросам и игнорировал экономические, имеет основание не в произведениях этого писателя, конечно, но в исторической судьбе одного из этих произведений, а именно «Общественного договора».

Демократическому течению последнего десятилетия XVIII века нужна была идейная основа, свое отличительное знамя, вокруг которого могли бы группироваться его активные элементы. А из крупных писателей этого века Руссо был единственным, стоявшим всецело на стороне народа, единственным демократом в серьезном смысле этого слова. Не в смысле желая добра народу — добра ему хотели все от короля до самого крайнего оратора Пале-Рояля, — а в смысле отчетливого понимания противоположности интересов трудящихся классов с интересами высших слоев населения, как бы теоретически добры, просвещенны и полны желая его облагодетельствовать они ни были. В этой последней оговорке и заключалась вся сила. Многие противопоставляли *les misérables*⁹ высшим классам в их качестве *des grands, des riches*¹⁰. Мабли занимался этим никак не менее Руссо. Но его убеждение, что народ должен быть в стороне от общественных дел, а осуществлять его благо призваны те же высшие классы, но уже в качестве просвещенных и добродетельных мудрецов, его вражда к демократии делала его непригодным в качестве умственного вождя крайнего, наиболее демократического течения. Годился для этого один Руссо. Но из всех его произведений только из «Общественного договора» можно было с грехом пополам извлечь хоть что-нибудь такое, что можно было приноровить к текущим событиям. Для этого над ним приходилось произвести самую радикальную операцию, выкинуть самые существенные его идеи: определение закона и выяснение тех условий, при которых народ может иметь «общую волю», может являться *peuple souverain**. Но, хоть и совершенно извращенный, по необходимости «Общественный договор» действовал в своем истинном направлении. С ним в руках якобинцы отстаивали самые существенные — не настоящие, пожалуй, а будущие — интересы народа.

По нему боролись они против разделения граждан на активных и пассивных и отстаивали всеобщее избирательное право, получившее такое значение для рабочих в XIX веке. По нему кричали они народу о его великом значении и уверяли его, что он *peuple souverain*. В смысле Руссо, этот суверенитет ни на одно мгновение не был и не мог быть осуществлен в тогдашней Франции. Но даже извращенное туманное понятие о политической и общественной самодеятельности народа,

* Суверенный народ.

которое заронили эти крики, оставило неизгладимый след и положило начало «освобождению народной души от пороков и трусости рабов, без которых невозможно и освобождение его «тела»»^{*11}.

Но, получивший такое громадное исключительное значение, ставший «катехизисом» якобинцев, «Общественный договор» по самому своему предмету не мог касаться экономических вопросов. К предмету этого произведения относятся, по словам самого автора^{**}, только законы политические, носящие также название основных государственных законов. О гражданских же законах (*lois civiles*), говорящих об отношениях членов государства как между собой, так и к целому обществу, он упоминает в этой книге лишь в самых общих чертах.

Для общего блага законы должны поддерживать независимость граждан друг от друга и равенство, без которого зависимость неизбежна. «Именно потому что сила вещей постоянно стремится разрушить равенство, сила законодательства должна стремиться сохранять его». Законы должны быть направлены к тому, «чтобы каждый гражданин был в полнейшей независимости от государства. Средства, ведущие к этим двум целям, одни и те же, так как ничто, кроме силы государства, не делает его членов свободными»^{***}.

Не надо забывать, как это делает Луи Блан¹² и многие другие, что, по Руссо, там, где распоряжается независимое от народа правительство, государство уже разрушено, а существует лишь господство.

«Сила государства», о которой он говорит, это — коллективная сила самого народа, заключающаяся в возможности выражать в законах свою общую волю и через правительство заставлять всех и каждого подчиняться этим законам.

Где есть имущественное неравенство, а следовательно, и тенденция меньшинства увеличивать это неравенство и ставить большинство от себя в зависимость (а сила вещей везде создает как неравенство, так и эти тенденции), там сила государства должна, очевидно, стеснять меньшинство в осуществлении его целей. Полнейшая зависимость граждан от

* Слова Руссо из «*Considérations sur le Gouvernement de la Pologne*», к которым нам придется возвратиться.

** *Contrat social*. Кн. II. Гл. XII.

*** *Общественный договор*. Кн. II. Гл. XII.

государства, создающая свободу большинства, — так как она мешает его членам попадать в зависимость от членов меньшинства, — может, а при расшатке обычаев даже должна показаться этим последним хуже неволи. Понятие Руссо о свободе так же отличалось от общепринятого, как и о законе.

Принадлежность верховной законодательной власти всему народу — необходимое условие существования свободного государства, но организация народных собраний, способ подачи голосов, форма правления — все это не может не быть различно для каждого народа, смотря по его численности, степени развития и величине территории.

Еще менее возможны были, с точки зрения Руссо, подробные проекты гражданских законов, одинаково пригодные для двух народов, не говоря уже о совершенном законодательстве, пригодном для всех. Поддерживать равенство и независимость граждан друг от друга должно быть целью всякого народного законодательства, но средства для достижения этой цели не могут не быть различны. Одни и те же законы, регулирующие экономические отношения, не могут существовать в городской республике, для которой промышленность и торговля необходимы и, являясь занятием большинства граждан, совместимы с благосостоянием и свободой и для малонаселенной земледельческой страны. Какими мерами могла бы поддерживать, по мнению Руссо, равенство и независимость граждан отсталая земледельческая республика, видно из его проекта законодательства для Корсики*. Корсика давно была любимой и единственной мечтой Руссо. Страна с оригинальными, полудикими нравами, не знающая ни торговли, ни промышленности, в которой долготелая борьба с Генуей сильно развила чувство общего единства, горячий патриотизм и в то же время совершенно разорила и почти уничтожила бывшую там раньше первобытную родовую аристократию; такая страна была единственным уголком в Европе, который по своему внутреннему состоянию мог бы, если не помешают соседи, стать на время жилищем не угнетаемого, не обижаемого народа, живущего для себя, а не для цивилизации.

* После Руссо осталось две рукописи, относящиеся до Корсики: одна хотя и незаконченная, но более или менее отделанная, в которой он обращается к корсиканцам; другая, состоящая из отрывочных заметок, очевидно, не назначенных к опубликованию. Обе напечатаны в 1861 г. Streickeisen-Moultou в «*Œuvres et correspondances inédites de J. J. Rousseau*».

Он советует корсиканцам, благо вывоз хлеба прекратился, позаботиться о том, чтобы он не возобновлялся, и запретить внешнюю торговлю, а в отдельной рукописи, состоящей из отрывочных заметок, говорит: «Помешать вывозу хлеба — значит в корне подрезать крупную собственность*. Уничтожить также и внутреннюю торговлю, к сожалению, невозможно, пока различные местности Корсики производят различные продукты, но ее следовало бы вести при посредстве правительства. Пусть в каждом приходе ведутся записи, из которых было бы видно, каких продуктов производится слишком много для местного потребления и каких недостаточно. Следует стремиться к тому, чтобы каждая местность производила все для нее нужное». Скажут, что таким образом Корсика будет производить меньше продуктов, чем специализируя культуры. Это верно, соглашается Руссо, никогда не стремившийся соединять на бумаге несоединимые на деле вещи, но это зло меньшее, чем то, которое ведет за собою торговля! «Для Корсики лучше дурно употребить свои поля, чем людей»**.

Вместо всяких налогов он советует отделить во всякой местности известный участок земли на нужды государства. В Корсике есть еще свободные земли, но, если бы даже их не хватило, гражданам было бы выгоднее уделить на нужды государства часть собственной земли, чем платить налоги. «Неужели вы думаете, — спрашивает Руссо, — что французский крестьянин не отдал бы охотно двух третей той земли, которую обрабатывает, ради того, чтобы владеть остальной третью; совершенно свободной от всяких налогов, оброков и десятины?» Но в свободной Корсике потребности государства не должны быть значительны, так как все, что может быть сделано личным трудом, должно делаться самими гражданами в виде личной повинности, а не по найму. Посредством личной же повинности (*corvée*) должны обрабатываться и государственные земли с правом для желающих заменять ее уплатой части продукта с собственной земли.

Зная, сколько ненависти скопили феодальные права около самого слова *corvée*, Руссо оговаривается. Он не выдает обязательные работы граждан за абсолютное благо. Но налоги, деньги, необходимые при иной системе, ведут за собой неизмеримо большее количество неотвратимых бедствий. Руссо

* □ uv. et corr. etc. P. 127.

** □ uv. et corr. P. 92.

уверен, однако, что эти бедствия придут со временем. Совершенно обходиться без производства на продажу Корсика может лишь до тех пор, пока не начнет извлекать из своей почвы всего, что она может дать. Тогда при дальнейшем размножении населения ей понадобится промышленность и торговля; тогда волей-неволей она изменит и свою конституцию и станет походить на соседние страны. В настоящий же момент денежное обращение в стране, торговля и налоги привели бы лишь к полному обнищанию ее поредевшего от долгой войны населения.

В своих набросках законов для Корсики Руссо имел в виду однородное, небольшое племя, не имевшее перед этим самостоятельного политического существования. Он мог поэтому предлагать им наилучший, по его мнению, политический строй и такие решительные меры, как запрещение торговли. Другую задачу представляло законодательство большого, насчитывавшего несколько столетий независимого существования, польского государства.

<...>

